

УДК 002.1–027.21

Е.А. Плешкевич

Состояние и перспективы развития синергетической теории документа*

Анализируются синергетическая теория документа, разработанная Г.А. Двоеносовой, и предпосылки её разработки. Отмечено несоответствие источников исследования поставленным задачам, а также предвзятое отношение к оценке вклада в содержание теории документа, библиотечно-библиографических теорий документа и документологии. Показана ошибочность связи сущности документа с его формуляром и реквизитами, а также неудовлетворительность предложенного автором рассматриваемой монографии дефиниции документа. Сформулированы рекомендации по дальнейшему развитию теории документа.

Ключевые слова: *общая теория документа, документология, синергетическая теория документа, Г.А. Двоеносова*

DOI: 10.36535/0548-0019-2021-01-4

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшим элементом теоретической части документоведения, архивоведения, библиотекovedения и ряда других научных дисциплин выступает теория документа. Значительный вклад в развитие теории документа внесла Г.А. Двоеносова, подготовив монографию, посвященную теории документа в парадигме междисциплинарного знания [1]. В ней Галина Александровна обобщила итоги многолетних теоретических изысканий в рамках управленческого (классического, традиционного) документоведения, а также представила на суд читателей оригинальную синергетическую теорию документа. Обсуждение данной монографии в научной печати, на наш взгляд, поможет оценить вклад автора в исследование документа, что в свою очередь будет способствовать развитию его теории. Ранее в печати мы уже обсуждали результаты ее исследований [2-4], поэтому во избежание повторов мы акцентируем внимание либо на новых положениях ее теоретических изысканий, либо уточним наши прежние формулировки.

Итак, монография состоит из шести глав, посвященных различным проблемам теории документа, в основе которых лежат исследования разных лет. Текст слабо структурирован: к одним и тем же про-

блемам автор возвращается в разных главах, поэтому анализ по главам затруднен. Исходя из этого, мы сконцентрируемся на анализе двух ключевых аспектов. Первый из них касается обоснованности и возможности разработки в рамках управленческого документоведения синергетической теории документа. Традиционно это устанавливается посредством анализа истории возникновения и развития документоведческой мысли, обзора имеющихся теоретических концепций документа, а также на основе исследования источниковой базы и методологии. Сразу оговоримся, что методику исследования мы рассматривать не будем. Второй аспект будет касаться анализа ключевых положений монографии.

ХАРАКТЕРИСТИКА СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДОКУМЕНТА

Изложение материала автор начинает с констатации того, что история научного познания документа пока еще находится на начальной стадии и нуждается в дальнейшей разработке [1, с. 20]. Этот исторический процесс она описывает следующим образом. Научное знание о документе появляется в средние века в рамках научной дисциплины «Дипломатика» и далее развивается в источникововедении и правовой науке. Первые прикладные исследования появляются в России во второй половине XIX в. в рамках так называемого «практического документоведения» (Н.В. Варадинов, В. Вельдбрехт). В XX в. теоретиче-

* Равернутая рецензия на кн. – Двоеносова Г.А. Теория документа в парадигме междисциплинарного знания. – Москва : РГГУ, 2019. – 447 с.

ские знания о документе развиваются в научной организации управленческого труда и архивоведении. В 1960-х гг. из архивоведения в качестве самостоятельной научной дисциплины выделяется документоведение, изучающее в первую очередь делопроизводственную документацию. Наибольшее развитие теоретическое знание о документе получило в документоведении в 1960-1970-е гг. в ходе разработки Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД). В 1990-е гг. в связи с формированием еще одного варианта документоведения оно неофициально получило название управленческого (классического). В нем разрабатывались терминологическая система, методы совершенствования документа (унификация и стандартизация), были установлены закономерности документообразования и функционирования документа в системе управления. По нашему мнению, эти исследования заложили основу для разработки управленческой теории документа. Одновременно в 1960–1970-е гг. отдельные теоретические вопросы разрабатывались в рамках документалистики и информатики, продолжались исследования в правоведении. Далее, отмечается в монографии, в 1990-е гг. к исследованию документа подключаются книговеды, которые переименовывают «книговедение» в «документоведение», заменив понятие «книга» понятием «документ» [1, с. 22]. Книговедами была разработана коммуникативная теория документа в виде «общей теории документа и книги». В результате на современном этапе развития науки выделилось два документальных направления, в основе которых лежат так называемые узкое и широкое представления о документе. В первом из них под документом подразумеваются существующие в реальности материальные или информационные объекты или «собственно документы»; во втором – это неопределенный идеальный конструкт, в который могут включаться любые феномены в пределах творческого воображения исследователя, если они содержат «свободную» семантическую информацию [1, с. 24–25]. В 2000-х гг. в архивоведении началось формирование феноменологической концепции документа (В.А. Савин). Подводя итоги развитию теории документа, Г.А. Двоеносова констатирует, что к настоящему времени складываются или уже сложились информационная, правовая, управленческая, коммуникативная и феноменологическая теории и концепции документа. Какая из них наиболее соответствует истине, спрашивает она риторически и сама же отвечает, что «наиболее соответствует признакам научной теории и является наиболее развитой управленческой теорией документа и представляющая ее научная дисциплина – документоведение» [1, с. 46]. При этом системный анализ этих теорий и концепций, раскрывающий их вклад в понимание документа, а также перспективы их дальнейшего развития, в монографии не представлен, что ставит под вопрос обоснованность авторского вывода.

Комментирование представления истории становления научного познания документа начнем с констатации того, что историография истории изучения документа обширней, чем она описана автором. Так, этой проблеме посвящены не только отдельные аналитические статьи [5], но и монографии [6, 7], однако

в списке источников и литературы рассматриваемого нами издания они не указаны. Отсюда как минимум вытекает, что автор лишь частично знаком с исследованиями по теории документа. Это, во-первых. Во-вторых, обращение к указанным нами исследованиям, а также к историческим фактам показывает, что история развития теории документа протекала несколько иначе, чем описывает автор монографии. Начнем с этимологии. Известно, что термин «документ» латинского происхождения от слова *doceo* – учить. Термином *documentum* в первую очередь обозначали поучение, назидание откуда и произошли термины *doctrina* (учение и наука) и *doctor* (учитель, преподаватель). Значение «служить доказательством» выступало вторым по распространенности. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что значение документа как свидетельства в словаре идет после его значения как поучения [8]. Оба значения в различных вариациях использовались практически до середины XX в. Так, термины *document*, *documental*, *documentary* в XVII-XVIII вв., судя по Оксфордскому словарю, означали: учить, инструктировать, давать уроки, а также обозначали источники и первоисточники, по видимому тоже преимущественно в дидактическом контексте [9]. Термином *documental* обозначали то, что относится к обучению и инструктированию. Для обозначения документов административно-управленческого характера используются термины *instrument* и *record*. В России термин документ в XIX в. в первом своем значении использовался в библиотечном деле и библиографии. В качестве иллюстрации сошлемся на известное высказывание А.И. Герцена: «Но в книге не одно прошедшее; она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она – программа будущего» [10, с. 367-368].

К этому добавим, что во времена А.И. Герцена то, что сегодня мы называем управленческим документом, именовалось деловой бумагой.

Использование обоих значений термина «документ» продолжалось в научной сфере путем разделения его трактовки на широкое и узкое понимание. В библиотечно-библиографической науке, информатике, документалистике и в истории (в конце XIX – начале XX вв.) документ толковался в широком значении, в праве и управленческом документоведении – в узком.

Первые исследования документа были начаты в исторической науке бенедиктинцем Ж. Мабильоном (1632–1707). Полемизируя с иезуитом Д. Папелброхом (1628–1714), считавшим все меровингские дипломы, хранившиеся в монастырях, поддельными, Ж. Мабильон утверждал, что хотя бесспорно есть дипломы, целиком сфабрикованные, подправленные или интерполированные, но существуют и дипломы подлинные [11, с. 48]. С целью доказательства своей точки зрения Ж. Мабильон подготовил труд “*De Re Diplomatica*” («О дипломатике»), в котором собрал данные о происхождении, почерках, стиле и других особенностях средневековых документов (дипломов и хартий) и сформулировал принципы установления их подлинности, заложив тем самым основы палеографии и дипломатики.

Разработка понятия «документ» продолжилась во французской исторической науке в последней трети XIX в. Автор первой части «Введения в изучении истории» Шарль-Виктор Ланглуа определяет документы как следы, оставленные мыслями и действиями некогда живущих людей [12, с.13]. К документам он отнес акты, бумаги, литературные и вещественные типы документов; к литературным документам – историографические работы; к вещественным – произведения архитектуры, скульптуры, живописи, а также всевозможного рода вещи – оружие, утварь, монеты, медали и т. д. [12, с. 41]. В качестве социальных институтов, в которых отложились документы, Ш.-В. Ланглуа выделяет архивы, библиотеки и музеи, а также коллекционеров. Автор второй части «Введения ...» Шарль Сеньобос, различает два рода документов-следов: вещественные и психологического порядка. К психологическим следам он относит описание и повествование. Помимо бумаг и актов, традиционно определяемых как документы, Ш. Сеньобос причисляет к документам и книгу [12, с. 55]. Таким образом, термином «документ» стали обозначать любые письменные источники, была подчеркнута условность этого понятия. «Документ, пишет историк античности Анри Марру, сам по себе не существует до того момента, пока не станет объектом любознательности историка», причем продолжает его мысль Антуан Про, все может служить документом с того момента, когда данная вещь заинтересует историка [13, с. 83].

Основы теории документа в библиотечно-библиографической науке были заложены юристом и библиографом бельгийцем Полем Отле в начале XX в. Им была предложена концепция так называемого «города знаний» (*Mundaneum*), где были бы собраны в одном месте все знания о мире, во всех его формах. Теоретически и методологически обосновать данную концепцию была призвана «документация», цель которой заключалась в том, чтобы «предложить документированные ответы на запросы по любому предмету в любой области знания» [14, с. 190]. В 1930-х гг. П. Отле высказал идею создания обобщающей научной дисциплины под названием «Библиология» («Документология»). За образец им была взята биология, охватившая все частные науки в одну общую. Библиология, по мнению П. Отле, должна была «охватить всю совокупность данных, относящихся к производству, хранению, распространению и использованию рукописей и документов всякого рода» [14, с. 197]. В качестве обобщенного названия источника достоверной информации с учетом этимологии был выбран термин «документ». В широком значении термин включал не только книги и письменные документы, но и музейные предметы, различные коллекции, образцы архитектуры и т.д. Однако на практике библиология (документология) так и не была создана. В нашей стране идеи П. Отле в 1920-1930-е гг. были поддержаны библиографом Б.С. Боднарским и архивистом Н.В. Русиновым. В 1990-е гг. к разработке документологии присоединился Ю.Н. Столяров.

Теперь, что касается управленческого документо-ведения. Один из его разработчиков К. Г. Митяев в программной статье, посвященной концепции доку-

ментоведения как научной дисциплине, отмечает, что понятие документа достаточно широкое и что в документоведении «необходимо сделать некоторые ограничения» [15, с. 30]. С учетом того, что управленческое документо-ведение было ориентировано на разработку Единой государственной системы делопроизводства эти ограничения выглядят обоснованными. При этом автор признает, что творческие произведения могут выступать в виде документов в значении «быть источником и средствами доказательства, информации о самом произведении и об его авторе» [15, с. 30]. Таким образом, выбор узкой трактовки понятия «документ» в управленческом документо-ведении был обусловлен интересами делопроизводственной практики. Что касается архивистов, то некоторые из них высказались за использование широкого толкования документа. Так, в 1980-х гг. историк-архивист Б. С. Илизаров указал на то, что: 1) область знания, которая может объединить исследования документа в разных дисциплинах, можно определить как документологию; 2) что в ее рамках созрели предпосылки разработки общей теории документа [16, с. 25–26]; 3) что «понятие документ – более широкое» и «понятие книга входит в него» [17, с. 31]. Идея архивологии как науки, которая занималась бы исследованием всех аспектов документирования человеческого опыта, была предложена историком-архивистом Е. В. Старостиным [18, с. 18]. С широких позиций к документу, трактуя музейный предмет в качестве документа, предложил подойти сотрудник ВНИИДАДа Э. Хан-Пира [19]. Считаем также уместным привести мнение украинских архивистов: «Опираясь на довольно широкое понимание документа (не только как элемента документации, неопубликованного документа, а также и опубликованного документа, тиражируемого для общественного ознакомления) это направление (общее документо-ведение – прим. автора) создает предпосылки интегрированного в рамках научных дисциплин документально-коммуникационного цикла (библиографоведение, библиотекосведение, книговедение, музееведение, архивоведение, археография, информатика, документо-ведение и др.) рассмотрение теоретических вопросов, связанных со структурой, свойствами, функциями, процессами создания и использования документов и документных систем, формированием документальных массивов, потоков, коммуникаций» [20, с. 52–53]. Из этого следует: 1) узкая трактовка документа не соответствует потребностям теоретического архивоведения; 2) разрабатываемая в управленческом документо-ведении теория документа не раскрывает в полной мере природы архивного документа; 3) представители управленческого документо-ведения, к которым относит себя и автор рассматриваемой нами монографии, оказались не готовыми к полноценной дискуссии с архивистами по этому вопросу. В подтверждение последнего тезиса сошлемся на мнение наших украинских коллег: «Очень жаль, пишут они, что сегодня определенная часть «традиционных» документоведов не отреагировала на появление новой концепции. Такую позицию вряд ли можно приветствовать ...» [20, с. 53]. Таким образом, научное познание документа на основе широкой его трактов-

ки началось в библиотечно-библиографической науке и источниковедении задолго до возникновения управленческого документоведения. Это, во-первых. Во-вторых, однозначная ориентация на узкое понимание документа не поддерживается в архивоведении. И, наконец, в-третьих, полисемия термина «документ» сложилась исторически и соответственно его широкое толкование может быть основанием для построения теории документа.

Теперь, что касается переименования книговедения в документоведение и замены термина «книга» термином «документ», о чем заявляет Г.А. Двоеносова как о свершившемся факте. Отметим сразу, что разработка теоретических представлений о документе началась вовсе не в книговедении, а в библиографоведении и библиотековедении. В зависимости от дисциплинарного масштаба можно выделить теории документа трех уровней или типов: отраслевая или дисциплинарная, междисциплинарная и метадисциплинарная. Отраслевые теории и концепции документа ориентированы на решение внутренних для данных дисциплин задач. Так, в библиотековедении и библиографоведении таковыми стали размежевание и выделение этих научных дисциплин из книговедения, которое вплоть до 1960-1970-х гг. трактовалось как комплексная дисциплина, а также раскрытие документальной природы библиотечного дела и библиографии. Отраслевые теоретические представления о документе в библиографии разрабатывались Б.С. Боднарским, Т.Ф. Гордукаловой, Н.Б. Зиновьевой О.П. Коршуновым, А.В. Соколовым; в библиотековедении – М.И. Акилиной и В.И. Терешиним. Сегодня эти исследования постепенно оформляются в библиотечно-библиографическое (библиотечное) документоведение, оперирующее понятием «библиотечно-библиографический документ». Что касается управленческого документоведения, то можно отметить отдельные теоретические исследования управленческого документа В.Д. Банасюкевича, А.В. Ермолаевой, М.П. Илошенко, К.Г. Митяева, В.С. Мингалева, А.Н. Соковой, Т.В. Кузнецовой. В начале 2000-х гг. максимально близко к созданию такой теории подошел М. В. Ларин, посвятив некоторым проблемам эволюции управленческого документа отдельную главу в своей книге [21], однако то, что можно было бы назвать целостной теорией, до сих пор не создано. Следует отметить, что в рассматриваемой нами монографии [1, с. 12] отмечено, что положения по теории управленческого документа не упорядочены в виде отдельной теории.

Междисциплинарные теории документа создаются на основе нескольких родственных друг другу дисциплин, каковыми, например, выступают библиотековедение, архивоведение, документоведение и ряд других отнесенных в номенклатуре специальности ВАК к группе дисциплин, обозначенной как «документальная информация» (05.25.00). Их разработка вызвана не только стремлением познать феномен на более высоком уровне, но генетическими и методологическими связями между библиотечным и архивным делом. Так, значительное время в прошлом архивы и библиотеки были объединены в едином учреждении с единой технологией хранения и ис-

пользования документов*. Таким образом, в исторической ретроспективе не всегда понятно, где кончается архив и начинается библиотека, и наоборот. Размежевание библиотек и архивов произошло с исторической точки зрения сравнительно недавно и степень этого размежевания в разных странах неодинакова. Так, в нашей стране в рамках централизации архивных фондов и создания Единого государственного архивного фонда в первые годы советской власти библиотеки и архивы были значительно разделены, однако окончательного разрыва между ними все же не произошло. Практически во всех крупных областных и федеральных библиотеках, как впрочем и в музеях, хранятся отдельные архивные фонды и документы, что в настоящее время закреплено законодательно. В большинстве библиотек имеются фонды законодательно-нормативных и технических документов. В некоторых странах архивы и библиотеки более тесно, чем в нашей стране интегрированы друг с другом. Так, национальная библиотека и национальный архив Канады в 2004 г. были объединены в единое учреждение. К этому стоит добавить, что создание информационного общества и переход на новые информационно-телекоммуникационные технологии в большей степени нивелируют разницу между книгой и документом, что ставит вопрос о более тесной интеграции как архивов и библиотек, так и соответствующих научных дисциплин*. Все это указывает на перспективность разработки общей теории документа, которая комплексно рассматривает документальную деятельность библиотек, архивов и служб Документационного обеспечения управления как источников комплектования архивов. Именно такая междисциплинарная общая теория документа на основе управленческого документоведения и информационной теории была разработана нами [24]. Ее элементами выступили оперативный (делопроизводственный), диахронный (библиотечно-библиографический) и ретроспективный (архивный) документы. В 2010-х гг. на основе этой теории нами был разработан документальный подход для библиотековедения и библиографоведения [25]. Автором другой общей теории документа и книги, разработанной на основе книговедения и теории коммуникации, стала украинский книговед и документовед Г.Н. Швецова-Водка [26, 27]. С предложением создать общую теорию документа, объединяющую

* В этом плане достаточно интересны наблюдения С.О. Шмидта: «Опыт составления архивных описаний сопутствовал опыту книжных описаний или даже в известной мере предопределялся им, тем более что документы и «книжки чтомые» зачастую хранились вместе и «библиотечное дело» и «архивное дело» развивались на одном стволу» [22, с. 29].

* В конце 1980-х гг. этот процесс был предсказан ведущим библиотековедом страны А. Н. Соковой: «В период перехода к информационному обществу документоведению принадлежит методическое и теоретическое обоснование его документационного обеспечения [...] Реализация данного положения изменит взаимоотношения документоведения с архивоведением, музееведением и другими отраслями знания, ныне существующими изолированно и независимо друг от друга, и приведет к созданию интегрированной научной дисциплины, название которой может быть сохранено, как документоведение (или возникнет другое название)» [23, с. 207].

документоведение, документальное источниковедение, архивоведение и археографию, выступил археограф и архивист В.П. Козлов [28]. Таким образом, создание общей теории документа обусловлено объективными потребностями науки и практики.

Метадисциплинарные теории или метатеории документа ориентированы на исследование его сущности, на построение документальной (документной) картины мира, на выявление места и роли документа в развитии нашей цивилизации. С методологической точки зрения это возможно исключительно путем предельного абстрагирования, максимальной идеализации представлений о документе как о некоей востребованной материализованной информации. В архивоведении определенные исследования в этом направлении были предприняты К.Б. Гельманом-Виноградовым [29]. Здесь же стоит упомянуть идею феноменологической теории документа, изучающей документ во всех его проявлениях и взаимосвязях с окружающим миром [30, с. 24]. В наибольшей степени в разработке такой метатеории продвинулся библиотеквед и документолог Ю.Н. Столяров. Им была разработана всеобщая теория документа, обобщающая и гармонизирующая знания о документе, накопленные в различных научных дисциплинах, дано конвенциональное универсальное определение документа, а также раскрыта сущность документа и описана его эволюция [31, 32]. Насколько это удалось – отдельный вопрос, однако теория разработана и представлена научной общественности. И с этим невозможно не считаться! Что касается рассматриваемой монографии [1], то в рамках предложенной нами классификации мы имеем один из вариантов метатеории документа с той лишь разницей, что библиотечно-библиографические теории и концепции документа выведены за скобки.

Теперь что касается тезиса о поглощении книговедением документоведения. Действительно, в книговедении была предпринята попытка его рассмотрения в документоведческом и документологическом ключе. С таким предложением выступили Ю.Н. Столяров и ряд его последователей из Украины (Н.Н. Кушнарченко, А.А. Соляник), которые, как и сам автор этой идеи, были библиотековедами. Однако отечественными книговедами это предложение было отвергнуто, о чем несложно убедиться по соответствующим публикациям [33, 34]. Можно отметить, что это была внутренняя библиотечно-книговедческая дискуссия, которая управленческое документоведение никоим образом не затрагивала. Таким образом тезис об экспансии книговедения надуман.

Теперь относительно суждений автора монографии [1] об истинности тех или иных концепций и теорий документа. Нам представляется, правильнее говорить о достоверности теорий, поскольку понятие истинности более подходит для оценки отдельных положений или гипотез, а не теорий. Очевидно, что оценка достоверности должна подкрепляться системным анализом, однако Г.А. Двоеносова ограничилась отдельными критическими замечаниями в адрес тех или иных исследователей, что свидетельствует только об одном – автор с ними не согласен. В итоге вывод автора монографии [1] «повисает в воздухе».

Более того её рассуждения о вкладе документологии в развитие теории документа противоречат фактам. Для чего нужна документология, спрашивает автор риторически, если она не решает фундаментальную проблему в исследовании документа – проблему его сущности [1, с. 248]? Как мы покажем далее, автор монографии [1] пересказывает отдельные ключевые положения документологии.

Теперь, что касается анализа комплекса источников. В качестве таковых были обозначены достижения «классического документоведения», исторической науки и общественных наук (философии, социологии, политологии и права), опубликованные документы международных организаций (ООН, ОБСЕ, СНГ и др.), органов исполнительной власти РФ, Республик Беларуси, Казахстана и Узбекистана, других международных организаций и сайты отдельных компаний. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, выступают ли в качестве источника библиотечно-библиографические теории и концепции документа? Если да, то почему они не указаны, а если нет, то тогда – на основании чего автор [1] проводит сравнительные исследования, сопоставляя свои представления о документе с представлениями библиотекведов и книговедов? Далее, непонятно, что выступает источником для разработки периодизации истории развития документа? Что касается законодательства, то, как мы видим, оно ограничивается странами СНГ и Украиной. Вместе с тем в целом ряде стран практика работы с документами имеет существенные особенности, что закреплено в этих странах законодательно. В качестве примера сошлемся на норвежский закон от 9 июня 1989 г. о создании юридического депозитария общедоступных документов (*The Norwegian Act of Legal Deposit of Generally Available Documents*). Согласно этому акту, все опубликованные в Норвегии бумажные и печатные документы, фотографии, фильмы, материалы звукозаписи и цифровые *offline* и *online* публикации должны быть официально переданы на хранение в Национальную библиотеку Норвегии. Непонятно, учитывалась ли автором монографии [1] документальная практика стран имеющих ярко выраженные различия или перед нами сугубо отечественная теория документа? Таким образом, мы полагаем, что обозначенный Г.А. Двоеносовой комплекс источников не позволяет ей решить поставленные задачи, что вызывает сомнения в достоверности полученных результатов.

СУЩНОСТЬ ДОКУМЕНТА И ЕГО СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Мы хотим остановиться на анализе двух ключевых положений синергетической теории документа: авторской интерпретации сущности документа и его дефиниции. Начнем с сущности документа. Этому посвящена вторая глава монографии [1], которая называется «Философский анализ документа». В качестве сущности Г.А. Двоеносова предлагает рассматривать самую устойчивую характеристику документа, таковой, по ее мнению, выступает форма документа [1, с. 75]. Документ, цитируем мы ее, это конвенциональная форма, результат социального консенсуса по поводу ее использования как доказательства действий

(явлений, событий, фактов) реальной действительности [1, с. 77]. Именно форма (формуляр) документа, продолжает она, обеспечивает его атрибутивное свойство – юридическую силу, которая позволяет использовать документ как инструмент социального действия и социальной самоорганизации [1, с. 80]. Допустим, что предложенная Г.А. Двоеносовой гипотеза верна, но тогда ее доказательство должно лежать в плоскости теоретической концепции формуляра документа. Однако формуляр документа трактуется ею в контексте практики административного делопроизводства как совокупность реквизитов, которые организуют его содержание, придают ему форму, превращая запись информации в документ [1, с. 72], как схема построения документа, определяемая его видом и разновидностью [1, с. 92], а под реквизитами понимаются обязательные элементы оформления документа [1, с. 89]. Из этих рассуждений вытекает следующее: во-первых, если формуляр это совокупность элементов оформления, то сущность документа заключается в его оформлении. Как мы знаем, оформлением документа занимаются делопроизводители; во-вторых, оформление и только оно одно обеспечивает функции документа, включая инструментальную функцию социального управления и развития; в-третьих, эволюция документа обусловлена ничем иным как развитием формуляра или вернее – элементов его оформления (вида, даты, подписи, оттиска печати и т.д.); и, наконец, в четвертых, в контексте данной гипотезы при периодизации истории документа за основу должны быть взяты значимые изменения в формуляре документа, т.е. каждому историческому периоду должен соответствовать свой формуляр, существенно отличающийся от предыдущего. Однако при периодизации автор монографии [1] придерживается другой логики и в качестве значимых изменений в одном случае рассматривает типы общества. Так, каждому типу общества соответствуют определенные типы документов [1, с. 135], но какие конкретно – не указывает, или – технологии изготовления документов, выделяя письменный, технотронный и электронный типы документов [1, с. 233]. Высказанная Г.А. Двоеносовой гипотеза о связи сущности документа с его формой (формуляром) так и остается гипотезой. Сразу оговоримся, что мы несколько не занижаем важности исследования формуляра документа и в свое время в рамках общей теории документа разрабатывали собственную концепцию о формуляре и реквизитах [35]. Мы лишь хотим отметить, что формуляр не проясняет сущности документа.

Теперь относительно авторской дефиниции документа. В качестве новизны синергетической теории документа автор монографии заявляет, что ею было сформулировано и теоретически обосновано новое конвенциональное определение документа [1, с. 15]. Однако в самом тексте непосредственно определению документа посвящены два параграфа: статус документа и феномен документа. При этом если определение статуса документа автор дает, то определение феномена документа отсутствует. Непосредственно само определение документа представлено в конце монографии, причем, как мы покажем далее, оно носит компиляционный характер.

Итак, что же такое статус документа? По мнению автора монографии – это состояние, в котором объект с зафиксированной информацией становится документом [1, с. 18]. Разные информационные объекты, полагает она, в зависимости от обстоятельств их бытования могут приобретать и утрачивать этот статус. Данное положение Г.А. Двоеносова иллюстрирует на примере книги, да извинят меня читатели за слишком длинную цитату: «такой информационный объект как «произведение» обладает статусом документа на стадии автографической рукописи или подписанного в печать оригинал-макета, являясь единственным документальным доказательством подтверждения факта подлинности произведения и его авторства. Прошедшее редакционно-издательскую обработку произведение теряет форму документа и получает форму книги. Следовательно, оно (произведение) утрачивает статус документа и приобретает статус издания. Изданное произведение с автографом вновь получает статус документа, так как автограф фиксирует такое действие как дарение, документально подтверждает этот факт. Статусом документа обладает и обязательный экземпляр опубликованного «документа», направленный на хранение в национальный библиотечно-информационный фонд, как доказательство факта его создания» [1, с. 119]. Из этого вытекает, что экземпляры обсуждаемой монографии, имеют разный статус: один, который издательство отправило в книжную палату, является документом, а другой, приобретенный в магазине, обладает статусом издания. Это полностью соответствует тому, что в рамках всеобщей теории документа и документологии предлагает Ю.Н. Столяров: «Повторяю, – пишет он, – в роли документа может выступать любой объект, [...] но этот объект может приобрести статус документа в одном и только одном случае (это и есть ограничение, наложенное на него этимологией самого слова) – если он выступает для свидетельствования о чем-либо. Если же он выступает в другом качестве (газета в качестве оберточной бумаги, например), то документом быть перестает» [31, с. 128]. По аналогии можно предположить, что если книга, изначально не обладавшая сущностью документа, попав в национальный библиотечный фонд, приобретает искомый статус, то тогда и антилопа, также не обладавшая сущностью документа, информируя и свидетельствуя своим фактом нахождения в зоопарке о том, что такой вид антилоп действительно существует, приобретает искомый статус. Однако в этом случае возникает вопрос об оригинальности и новизне предложенного Г.А. Двоеносовой определения статуса документа.

Теперь, что касается дефиниции собственно документа. Порассуждав о перспективности синергетики, автор монографии [1] обращается к контент-анализу ста определений документа, данных в законодательных актах, стандартах, научной и справочной литературе. Итоги анализа не утешительны. В настоящее время, отмечает автор, универсального определения термина «документ» нет, однако потребность в таком определении существует [1, с. 238]. Выделив в дефинициях характеристики документа, назвав их конвенциональными, Г.А. Двоеносова формулирует определение, отвечающее, по ее мнению, основному

концепту синергетической парадигмы [1, с. 262]. «Документ – это информационный объект, созданный юридическим или физическим лицом традиционным способом или с использованием технических средств, содержащий текстовую, графическую, аудиовизуальную или биометрическую информацию, записанную и удостоверенную по установленной форме, предназначенный для подтверждения (доказательства) и замещения явлений, событий, фактов реальной действительности, опосредующий социальное действие и служащий инструментом социальной самоорганизации» [1, с. 259-260]. Анализ показывает, что перед нами традиционное определение документа, к которому добавлено указание на то, что он может служить инструментом социальной самоорганизации.

Теперь относительно синергетичности теории документа, представленной в этой монографии [1]. Г.А. Двоеносова пытается обосновать этот тезис через наделение документа определенной субъектностью, способностью оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на общество. Так, отмечает она, документ может быть инструментом как стабилизации, наведения социального порядка, так и социальной дестабилизации [1, с. 244]. Примером документа упорядочивающего социальную организацию, по ее мнению, является Вестфальский договор 1648 г., и наоборот – примером документа, дестабилизирующего общество, являются декреты советской власти о мире и земле [1, с. 244]. Нам представляется, что договор в первом случае, а декреты во втором – это всего лишь одна из форм представления политических решений, приведших в одном случае к международной стабилизации, а в другом – к внутренней дестабилизации. Те, кто, например, выступал против этих решений, апеллировали к содержанию документов, а не к форме представления. В противном случае автор монографии [1] должна была бы выделить формы документов, которые однозначно ведут либо к стабилизации, либо к дестабилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует отметить, что формирование теорий и концепций документа, нацеленных на раскрытие его сущности во всем многообразии, на создание документальной картины мира или разработку всеобщей теории документа – это крайне сложный и трудный путь. Выбрать его может человек, готовый посвятить решению этой задачи всю жизнь. По-видимому, Галина Александровна и есть такой человек и ученый. Что касается замечаний, то, по нашему мнению, они во многом обусловлены тем, что не были созданы соответствующие условия. Что мы имеем в виду? Современное документоведение, архивоведение, библиотечно-библиографические дисциплины ориентированы на решение прикладных задач, большинство ученых – это далекие от абстрактных рассуждений и методологических изысканий практики, тогда как разработка сложных теоретико-философских конструкций должна протекать в условиях перманентной теоретико-методологической дискуссии, которая свойственна теоретическим дисциплинам. Применительно к нашему исследованию такой научной дисциплиной могла бы выступить философия

информации, в структуре которой теория документальной информации и документа могла бы стать одним из разделов. Почему именно в философии? Потому что только вместе с философами и в диалоге с ними можно рассматривать феномен документа с философских высот. Находясь внутри отдельной прикладной дисциплины до этих высот подняться невозможно. Это, так сказать, **первая рекомендация** по дальнейшей разработке теории документа.

Вторая рекомендация касается предварительных исследований. Чем глубже и обстоятельнее планируется исследовать ту или иную тему, чем сложнее сама тема, тем масштабнее должны быть предварительные историографические и методологические исследования. К сожалению, в монографии [1] авторская критика библиотечно-библиографических теорий и концепций документа была направлена исключительно на доказательство перспективности исследования теории документа на основе управленческого документоведения. По меньшей мере, об этом свидетельствует тот факт, что Г.А. Двоеносова не отметила ни одного достижения в библиотечно-библиографических теориях документа и документоведения. При этом системного и всестороннего анализа управленческой теории документа мы так и не увидели. Кроме этого необходима глубокая проработка сопредельных научных тем и направлений. Сопоставление книги и документа, которое мы встречаем на страницах монографии [1], свидетельствует о том, что представления ее автора о книге ограничены словарем русского языка под редакцией Ожегова [1, с. 246]. Таким образом, чем масштабнее будут проведены предварительные исследования, тем более устойчивой будет теоретическая конструкция.

Третья рекомендация относится к методологии разработки дефиниции документа. Во введении, как мы уже показали, автор ставит задачу разработки конвенциональной дефиниции документа, пишет о конвенциональной форме [1, с. 77], о конвенциональной форме записи информации о действии [1, с. 80], о конвенциональных характеристиках документа [1, с. 259] и т.д. Для начала отметим, что термин «конвенциональный» многозначен. В обыденной речи термин «конвенциональный» обозначает традиционный. Так, понятие «конвенциональное вооружение» означает, что это не ядерное вооружение. В этом смысле, когда наши западные коллеги говорят о конвенциональном документе, они подразумевают что это не электронный, а традиционный документ. В науке термин «конвенциональный» имеет другое значение – им обозначают соглашение между учеными по поводу истинности теоретического построения или научного понятия. Однако конвенциональное соглашение о понятии должно соответствовать ряду условий: логическая непротиворечивость, соответствие восприятию, а также возможность его практического использования. Таковым, по нашему мнению, является определение документа, включающее широкое и узкое значения. Именно такое определение мы встречаем в словаре книговедческих терминов [36, с. 75–76]. В узком смысле документ в словаре определяется как составленная установленным порядком запись, могущая служить доказательством факта, события, в широком

смысле как всякое материальное выражение знания или факта, могущее служить для доказательства, изучения или получения каких-либо сведений. В широком смысле к документам относятся: рукописи, произведения печати, графические или другие изображения, собрания предметов и др.

Что еще можно к этому добавить с методологической точки зрения? Теоретическое определение документа будет принято, т.е. станет конвенциональным, в том и только том случае если, опираясь на него, можно будет проводить теоретические изыскания более эффективно, чем, используя иные дефиниции документа. Отсюда следует еще одна методологическая рекомендация. Как мы уже отмечали, определение документа представлено в монографии [1] в последнем параграфе последней главы. Однако, если бы оно было представлено в начале монографии, например, во второй главе и далее на его основе было бы описано все многообразие форм документов, раскрыты закономерности его развития и т.д., то тем самым был бы продемонстрирован его эвристический потенциал. В этом случае такое определение имело бы все шансы быть принятым научным сообществом и стать конвенциональным.

Теперь, что касается определения документа либо его статуса. Мы рекомендуем автору определиться и выбрать что-то одно. Причем то, что автор называет статусом документа, мы бы назвали его дискурсом в понимании И.Т. Касавина, как неоконченный живой текст, взятый в его непосредственной включенности в акт коммуникации в ходе его взаимодействия с контекстом [37, с. 312]. При этом можно выделить онтологический и гносеологический дискурсы.

И, последнее. Как отнестись к этим замечаниям? Часть из них, безусловно, вызвана просчетами и ошибками, и их можно и нужно исправить. Однако с другой частью замечаний не все так просто. Чем сложнее и противоречивее объект исследования, тем труднее исследователю, каких бы он званий не имел, избежать противоречивости и непоследовательности в суждениях, ибо эти амбивалентные суждения есть ни что иное, как отражение противоречивости самого объекта. Феномен документа именно такой сложный и противоречивый объект. И с этим автору монографии [1] и всем другим исследователям необходимо как-то ужиться.

* * *

В заключение хотим поблагодарить уважаемую Галину Александровну за проведенное исследование и представленную монографию и пожелать ей дальнейших творческих успехов!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Двоеносова Г.А. Теория документа в парадигме междисциплинарного знания. – Москва: РГГУ, 2019. – 447 с.
2. Плешкевич Е.А. Документальность как атрибутивное свойство документа // Научно-техническая информация. Сер.1. – 2013. – №9. – С. 1-7.
3. Плешкевич Е.А. Возможности применения синергетического подхода в документоведении и смежных научных дисциплинах // Отечественные архивы. – 2017. – №5. – С. 3-7.
4. Плешкевич Е.А. О «левом» и «правом» уклоне в науке о документе // Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции «Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее», посвященной памяти профессора Т.В. Кузнецовой / отв ред. и состав. Ю.М. Кукаркина. – Москва: ООО «ТЕРМИКА.РУ», 2019. – С. 125-135.
5. Воскресенский А.К. Информация и документ: гносеологические и онтологические аспекты. Аналитический обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. Реферативный журнал. Ч. 1. – 2012. – №4. – С. 5-61; Ч. 2. – 2013. – №1. – С. 5-53.
6. Бездрабко В.В. Документознавство в Україні: інституціоналізація та сучасний розвиток. – Київ: Четверта хвиля, 2009. – 720 с.
7. Плешкевич Е.А. Эволюция теоретических представлений о документе. – Москва: Пашков дом, 2011. – 96 с.
8. Documentum // Латинско-русский словарь. 7-е изд. стереотип. – Москва: Рус. яз., 2002. – С. 264.
9. Document // A New English dictionary of historical principles. Vol. 3. D and E. – Oxford: At the Clarendon press, 1897. – P. 573.
10. Герцен А.И. Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке А. Герценом 6 декабря 1837 г. // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т.1. Произведения 1829–1841 гг. – Москва: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 366-368.
11. Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2-е изд., доп. – Москва: Наука, 1986. – 256 с.
12. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. – Санкт-Петербург, 1899. – 278 с.
13. Про А. Двенадцать уроков по истории. – Москва: РГГУ, 2000. – 336 с.
14. Отле П. Библиотека, библиография, документация: Избранные труды пионера информатики / Рос. Гос. б-ка; пер. с англ. и фр. Р.С. Гиляревского и др. – Москва: ФАИР-ПРЕСС, Пашков дом, 2004. – 349 с.
15. Митяев К.Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопросы архивоведения. – 1964. – №2. – С. 27-37.
16. Илизаров Б.С. Отраслевая система научно-технической информации по документоведению и архивному делу // Сов. архивы. – 1981. – №3. – С.20-29.
17. Илизаров Б.С. Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения: учеб. пособ. – Москва: МГИАИ, 1984. – 107 с.
18. Старостин Е.В. Архивы России. Методологические аспекты архивоведческого знания : учебно-метод. пособ. – Москва: РОИА, 2001. – 48 с.
19. Хан-Пира Э.И. Что такое «документ» // Сов. музей. – 1991. – №1. – С. 33-35.

20. Матяш И.Б., Кулешов С.Г. Архивоведение и документоведение Украины на современном этапе // Отечественные архивы. – 2002. – №6. – С. 46-55.
21. Ларин М.В. Управление документацией в организациях. – Москва : Научная книга, 2002. – 288 с.
22. Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 1. Допетровская Русь. Кн. 1. – Москва: Язык славянских культур, 2007. – 480 с.
23. Сокова А.Н. О возможных направлениях исследований в области унификации систем документации // Сокова А.Н. Документоведение: теория и практика: избр. тр. – Москва : [б.и.], 2009. – С. 204-214.
24. Плешкевич Е.А. Основы общей теории документа. – Саратов: Научная книга, 2005. – 244 с.
25. Плешкевич Е.А. Документальный подход в библиотековедении и библиографоведении: этапы формирования и направления развития. – Москва: Пашков дом, 2012. – 308 с.
26. Швецова-Водка Г.Н. Определение документа в документационно-информационной науке. – Ленинград, 1991. – 42 с. (Препринт/БАН СССР; №12).
27. Швецова-Водка Г.Н. Общая теория документа и книги: учеб. пособие. – Москва: Рыбари; Киев: Знання, 2009. – 487 с.
28. Козлов В.П. Общая теория документа // Дело-производство. – 2009. – №3. – С.3-12.
29. Гельман-Виноградов К.Б. Документальная память ноосферы как новый объект познания (к постановке проблемы) // Международный форум по информации и документации. – 1992. – Т. 17, №1. – С. 8-16.
30. Савин В.А. Архивный фонд Российской Федерации как объект познания. Историографический аспект // Отечественные архивы. – 2005. – №2. – С. 21-28.
31. Столяров Ю.Н. Документология: учеб. пособие / Моск. гос. ун-т культуры и искусств, Орловск. гос. ун-т культуры и искусств – Орел: Горизонт, 2013. – 370 с.
32. Плешкевич Е.А. Учебное пособие по документологии как всеобщей теории документа // Научно-техническая информация. Сер.1. – 2014. – №6. – С. 36-41.
33. Добровольский В.В. Грустные результаты беспредметной дискуссии (по поводу публикаций Ю.Н. Столярова в Сборнике «Научные и технические библиотеки», 2004, №4) // Научные и технические библиотеки. – 2005. – №4. – С. 92-98.
34. Эльяшевич Д.А. Книговедение: жизнь после смерти // Труды Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. – 2018. – Т. 217. – С. 55-81.
35. Плешкевич Е.А. Понятие реквизит документа: к постановке вопроса // Научно-техническая информация. Сер. 1. – 2004. – №10. – С.1-7.
36. Шамурин Е.И. Словарь книговедческих терминов для библиотекарей, библиографов, работников печати и книжной торговли. – Москва : Сов. Россия, 1958. – 340 с.
37. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. : введение в социальную эпистемологию языка – Москва : Канон+, 2008. – 542 с.

Материал поступил в редакцию 05.08.20.

Сведения об авторе

ПЛЕШКЕВИЧ Евгений Александрович – доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск
e-mail: ear1966ea9@mail.ru